

КНЯЗЬ СКОПИНЪ-ШУЙСКІЙ, или РОССІЯ въ НАЧАЛѢ XVII СТОЛѢТІЯ.

Сочиненіе О. ШИШКИНОЙ.

Часть третья.

„О таковомъ знаменитомъ человѣцѣ
проплака вся земля неутѣшно, и горькаго
того же рыданія немощно изглаголати
днесь“.

Аврамій Палицынъ

„Отъ древнихъ до новѣйшихъ вре-
менъ Россіи, никто изъ подданныхъ не
заслуживалъ ни такой любви въ жизни,
ни такой горести и чести въ могилѣ!“

Карамзинъ.

КНЯЗЬ СКОПИНЪ-ШУЙСКІЙ.

III.

КНЯЗЬ СКОПИНЪ-ШУЙСКІЙ,

ИЛИ

РОССІЯ ВЪ НАЧАЛѢ XVII СТОЛѢТІЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Такъ лучше жить престать, иль вовсе
не родиться,
Чѣмъ племенамъ чужимъ подъ иго
покориться!

Озеровъ.

Вельможу должны составлять
Умъ здравый, сердце просвѣщено;
Собой примѣръ снѣ долженъ дать,
Что званіе его священо;
Что онъ орудье власти есть,
Всѣхъ царственныхъ подпора зданій;
Вся мысль его, цѣль словъ, дѣяній,
Должны быть—польза, слава, честь.

Державинъ.

Въ послѣднихъ числахъ Іюля мѣсяца, 1608 года, рано поутру, на обширномъ дворѣ каменнаго дома, находившагося въ Бѣломѣ городѣ, близъ Страстнаго монастыря, между дорожными экипажами бѣгали, шумѣли и хлопотали люди. Прислонившись къ обветшалому забору, нѣсколько человѣкъ изъ простого народа внимательно смотрѣли, какъ одѣтые по польски служители носили сундуки и чемоданы, укладкою которыхъ распоряжались два дворянина. Они долго не говорили ничего между собою, но тяжелые ихъ вздохи и взоры, часто обращенные къ небу, показывали, что

они не равнодушные свидѣтели этого поспѣшнаго и, повидимому, радостнаго отъѣзда; на загорѣлыхъ ихъ лицахъ быстро смѣнялись выраженія глубокой печали и сердечнаго негодованія.

Между тѣмъ, по другую сторону улицы, во вновь построенномъ деревянномъ домѣ, не видно было и тѣни человѣческой; почти всѣ ставни были затворены, и можно было бы подумать, что никто тутъ не живетъ; но въ трубахъ курился дымъ, и заглядывавшія въ подворотню собаки сердито лаяли, когда суетящіеся поляки слишкомъ громко говорили.

— И псамъ-то, сказалъ полный, широкоплечій крестьянинъ, тошно глядѣть, какъ эти проклятые бусурманы нагружаютъ добромъ нашимъ свои колымаги, и за тѣмъ лишь отселѣ ѣдутъ, чтобы, собравшись съ силами, опять воротиться и высосать у насъ послѣднюю кровь!

— Не больно мудро затѣялъ батюшка нашъ Василій Ивановичъ, сказалъ молодой мѣщанинъ; самъ вяжетъ себя по рукамъ и по ногамъ...

— Коли есть на то охота, съ горячностью перебилъ рябой, круглолицый мужикъ, по закоптѣлому лицу и рукамъ котораго должно было думать, что онъ кузнецъ, пусть себя губить, за что же насъ тащить за собою въ омутъ. Давно ли ляхи, поклявшись, что хотятъ съ нами жить въ мирѣ и союзѣ, ночью перерѣзали крещеныхъ на Ходынкѣ, а Царь все имъ вѣрить! Слушайте, ребята, помните мои рѣчи: только это Хамово племя вырвется изъ Москвы, всѣ побѣгутъ къ вору...

— Что же ты стоишь сложа руки? сказалъ позади голосъ. Не дерзкимъ языкомъ, а острымъ копьемъ должно теперь работать: Господь вдвое на томъ взыщетъ, кто, предчувствуя бѣду, не позаботится отразить ее.

Всѣ обернулись и, увидя высокаго стараго инокъ, низко поклонились и стали просить благословенія.

— Благословляю васъ на безропотную, вѣрную службу Государю, на готовность умереть за отечество, сказалъ старецъ, и всѣхъ по одиночкѣ осѣнилъ крестнымъ знаменіемъ.

— Есть слухи, сказалъ крестьянинъ, что у Троицы собираются итти на враговъ; правда ли это, батюшка?

— Благодареніе Всемогущему, отвѣчалъ старецъ, не всѣ Рускіе забыли долгъ и совѣсть! Православные, продолжалъ онъ съ

сильнымъ чувствомъ, покайтесь мнѣ какъ отцу духовному, не замышляеть ли кто изъ васъ за золото продать душу, наругаться святою вѣрою, отдать въ неволю свою семью, быть рабомъ жида и приведшихъ его иноплеменниковъ?...

— Мы тебя ничѣмъ не обидѣли, святой отецъ, послышалось нѣсколько голосовъ, за что-же считаешь насъ бездѣльниками? Довольно съ насъ и того, что Царь не даетъ воли утолить въ крови правую вражду!

— Онъ васъ-же хотѣлъ поберечь; онъ посудилъ по своему сердцу! Коли обмануть его ляхи, долго, можетъ быть вѣчно, сами будутъ жалѣть о томъ: горе тѣмъ, кто нарушаетъ клятву, данную во имя Бога живаго! Но и вы, христіюлюбивые русскіе граждане, должны мыслить не о враждѣ и мести, а только о защитѣ вѣры, Царя и отечества. Тогда Господь благословитъ ваши подвиги, и Ангелы Его впишутъ имена ваши съ именами праведниковъ!

— Веди-же насъ туда, вскричалъ крестьянинъ, гдѣ можемъ доказать, что любимъ родину паче жизни и богатства, что жаждемъ царствія небеснаго! Мы люди простые, и достоянія не имѣемъ, но руки наши окрѣпли на работѣ, и души въ насъ не робкія; не поддадимся измѣнникамъ и ляхамъ!

— Отстоимъ своею грудью храмы Божіи; послужимъ Государю православному, воскликнули въ одинъ голосъ всѣ москвитяне, окруживъ инока.

— Возьмите и насъ съ собою, вскричали стрѣльцы, стоявшіе на стражѣ у воротъ, и коли упросимъ Царя, чтобы далъ намъ въ воеводы боярина князя Михайла Васильевича, не побоимся идти по одному на десятерыхъ.

Громкіе голоса раздалися на дворѣ, и собирающіеся въ путь поляки невольно затрепетали. Они вообразили, что злобныя намѣренія ихъ открылись, коварныя надежды разрушены, и усыпленная ядовитыми ихъ происками обширная Россія со всѣхъ концовъ на нихъ ополчается. Нѣсколько минутъ были они безмолвны: но трусость, сопровождающая вѣроломство, исчезла при мысли, что стыдно и смѣшно опасаться горсти простолюдиновъ, мужество которыхъ подстрекалъ старый монахъ. Хохотъ ихъ привлекъ молодого Мнишка, брата вдовы Лжедмитрія, которой, вслѣдствіе заключеннаго вновь договора, позволено было возвратиться съ